

стр. 6

стр. 7

Рисунок художника - В. БРИСКИНА

стр. 10 - 11

У доменной печи — электронный пульт управления

Сталевар Равис Нурмаев — передовик социалистического соревнования девятой пятилетки

ЛЮДИ И СТАЛЬ

Фоторепортаж А. Хрупов с Западно-Сибирского металлургического завода Кемеровской области.

Сталь — основа современной цивилизации. Основы самых смелых инженерных решений, основа жизни подобно всемирно известному изобретению аэрокосмической техники, потому что от начала до конца оно — дело рук человека. Вот почему профессия сталевара, или, как любят называть ее журналисты, «огненная профессия», — одна из самых уважаемых и почетных в нашей стране.

Контрольный осмотр домы

Металл Залеска

Течет горячая вода

СЕРИЯ «Пламенные революционеры» издаётся более семи лет. Промоком и ней, вероятно, можно назвать писательский сборник «У истоков партии», вышедший двенадцать лет назад. Именно тогда у руководства Союза писателей СССР и в Издательстве политической литературы родилась благородная идея широко привлечь писателей к созданию книг, составивших эту серию.

Многим ее авторам удалось достичь главного: обратившись к художественному исследованию нравственных истоков подвига своих героев, они сохранили историческую точность, достоверно воссоздали эпоху, образы людей, для нее характерных, проследили формирование их мировоззрения.

О первых книгах с ответственнейшей рубрикой «Пламенные революционеры» уже писала («ЛГ» 17, 1973), поэтому мне не нужно возвращаться к ним в своем обзоре.

1.

Повесть Алексея Шеметова «Прорыв», посвященная Александру Николаевичу Радищеву, охватывает его жизнь на протяжении всего лишь нескольких месяцев, но retrospectively взгляд на дело Радищева создает широкую панораму жизни и освещает роль родоначальника освободительной, революционной мысли в России, основоположника русской революционной литературы.

Что означало в данном случае для автора художественное исследование истоков нравственного подвига первого сознательного русского революционера Александра Радищева? Я бы сказал так, что задача в том и состояла, чтобы средствами искусства доказать понятие сознательного применительно к своему герою.

Вот я читаю библиотечную книгу «Прорыв» и нахожу на полях одной из страничек серую пометку какого-то провинциального читателя: «Не слишком ли легко — такая трудная дилемма». Сделана эта пометка в том месте, где у Радищева мучительно борются в противоречиях между «надо» и «хотелось» к своим детям. Но автор реплики просто не учел, что Радищев шел именно на сознательный подвиг, что он не мог иначе. Порою его одолевало сомнение, не поступает ли он аморально, рискуя благополучием детей своих, которыми грозит потеря всех дворянских благ. Но в этом-то и суть «самого нравственного подвига», что исток его в роли «сознания, преодолевающего призрачную возможность компромисса между политикой и совестью».

Автор повести открывает процесс самого радищевского мышления. Мы видим — оно выковывается в борьбе сугубо конкретной, а не в абстрактных умозаключениях. Скрупулезно, выписывая тончайшие детали, обогащая их писательской фантазией, художник ведет читателя к пониманию того, что именно нравственность не позволяет его герою мириться с бедственным положением народа.

Особенно любопытен здесь воображаемый диалог и спор Радищева с Федором Ушаковым — центральной фигурой русского студенчества в Лейпциге. Это очень важный авторский прием для раскрытия мировоззрения Радищева, ибо, как писал в свое время Плеханов, «разбирая взгляды Ушакова, мы в то же время узнаем воззрения Радищева».

При безусловном положительном отношении к работе Алексея Шеметова все же задумываешься над вопросом, а стоило ли заканчивать повесть лишь строкой: «Смерть отступила... А что впереди? Справедливо было бы хотя бы в эпилоге, сказать о том, что уже по возвращении из Сибири Радищев настойчиво выдвигал проекты коренного изменения государственного строя, возбуждал эти проекты себя крепостников.

Тот же глубокий, исследовательский подход к личности, к внутренним диалектическим процессам, определившим взгляды революционной мысли героя и минуты тягостных сомнений, определил принцип построения книги Л. Славина «Неостовый». Хочу даже высказать полемическую мысль. Мне представляется, что показать Белинского как человека-гения, который развенчал теорию «чистого искусства», был первым русским революционным демократом, многое другое сделал для людей равным, все же куда легче, чем художественно проследить преодоление Белинского его

слабостей, идеальных штатий, проследить его эволюцию, становление характера, и прежде всего — эволюцию философскую. И вот Славин сумел это сделать, и я вижу в этом его особую заслугу.

Как художник, Славин рисует самый важный процесс: движение Белинского «справа — налево» в то время, когда «догматические трупы» (слова Герцена) «бежали слева — направо». И мы убеждены, что Белинский действительно мог сказать в оригинально построенной беседе являясь со своим героем: «...Было время, я сам клялся Гегелем. Много он отнял у меня душевных сил. Зря... И все же он велик». Перефразировать Гегеля — практически означало для неустового Виссариона обратиться свой взор к материализму.

Я бы согласился со Славным и в тех случаях, когда он позволяет себе «не верить» самобичеваниям неустового Виссариона. Когда, к примеру, Белинский написал однажды в письме Михаилу Бакунину: «во мне человек умер — остался один самец», автор спешит «одернуть» своего героя: «Не прибавлено ли в этой непрошеной исповеди Белинского кое-что из его воображения, порой необузданного?» В другом месте, говоря о Белинском, констатирует, что в тридцатых годах, когда настроения философского «примирения» с российской действительностью не могли не сказаться на его творче-

стве, многие и многие страны, книги М. Поповского, чтобы избежать чуждым, творческим поискам, заслуживают сердечной благодарности.

Но сказавшись и вечная писательская жажда втиснуть в произведение как можно больше фактического материала. А тут еще такой уникальный герой, как Николай Морозов, о котором можно писать бесконечно! Мы ощущаем, что в каких-то местах обилие жизненного материала просто не дает автору «дышать», особенно это чувствуется в той части повести, где речь идет о деятельности Морозова как ученого. Тут повесть, по сути, превращается в довольно бедный художественный очерк. И не удивительно, что некоторые персонажи «Побежденного времени» оказываются не раскрытыми, не осмысленными автором, а значит, и читателем.

Создается впечатление, что автор не всюду достигает художественной убедительности в своем посредничестве между читателем и документом.

Я, скажем, не поверил бы одному из персонажей повести, реально существовавшему писателю Зотову (либералства ради заметим, что о его романе «Черный таракан», вышедшем в 1843 году, весьма похвально отозвался В. Г. Белинский), сотрудничавшему, например, с герценовским «Колоколом», если он даже

важнью стью этих слов. Глубина понимания мы чувствуем тот истинный факт, что В. И. Ленин, строя нашу партию, признавал исключительно исполнимым организационный опыт и конспирацию народолюбивых.

Думаю, что очень по душе придется читателю и манера Ю. Давыдова использовать прагматичный исторический документ. Писатель не «вписывает» документ, но творчески готовит нас к его восприятию. Когда в финале повести «слушаешь» Зотова, читающего записку Михайлова «братям», написанную сразу же после смертного приговора и звучащую, как набат, справиться с волнением не так просто. И тут заслуга не только автора записки, но и автора повести.

3.

В то же время, как показывает опыт, все серии, творческие отношения и документу помогают быть современными в художественном осмыслении истории.

В четырех книгах, герои которых — пламенные революционеры нашего времени, читатели встретятся с людьми более из знакомыми, но и здесь они найдут для себя немало нового, захватывающего. Книжки промозглы пафосом революционной романтики, дышащие молодости века, ощущением близости Владимира Ильича.

анализ деятельности Калинин как строителя власти Советов.

Понимаю, что писать о Калинин — дело трудное, ибо образ его уже сложился в народе. Писатель не нарушил этого образа, наоборот, углубил его. И все же я не могу не сказать еще об одном просчете автора.

Дело в том, что Владимир Успенский слишком уж широко вводит в повесть прямую речь своего героя (то записку, то расказывание), отсюда он влезает в речь, как не из архива, пусть даже кем-то изданный. Но вот что важно: разрезая по стране, Михаил Иванович обычно редко обращал внимание на то, кто и как его выступлений записывает. Да и вообще, как мы знаем, речи Калинин — это преимущественно доверительные беседы с людьми, особенно с крестьянами. Мне самому посчастливилось в 30-е годы сопровождать Михаила Ивановича в качестве газетчика в селах. Как очевидец и слушатель выступлений я готов засвидетельствовать, что Владимир Успенский хорошо, художественно правильно передает самый дух встреч председателя ЦИК и ВЦИК с крестьянами. А вот что касается «калнинского» текста выступлений, являющихся широко и охотно В. Успенским, то тут нужны оговорки. Очень легко может попасть в архив, а из него на писательский стол не только невыверенная стенограмма, но и неуклюжая протокольная запись. И если такая запись попадает в художественное произведение, то она способна сместить акценты в изображении героя.

Надо учесть и другое. М. И. Калинин обычно произносил огромные выступления на аудиторию не только те, что им сказано, но и те, как это было сказано, манерой державшейся с собеседниками, интонацией. А ведь в протоколе все это пропадает. Значит, писатель должен чувствовать себя в таких случаях свободно и поступать так, как подсказывает ему его художническое чутье.

Именно современники взгляды на историю помогли автору повести о Феликсе Дзержинском — Ю. Королькову, а автору книги о Кларе Цеткин — И. Гуро найти ту счастливую позицию, с которой они ведут свое повествование. В чем же она, эта позиция? В умении на конкретном биографическом материале духовно соединить средствами искусства прошлое с настоящим. И когда, скажем, Ирина Гуро живо и интересно рассказывает не только о становлении характера своей героини, но, в частности, и о том, как и почему Клары Цеткин десятилетиями боролась против оппортунистических лидеров германской социал-демократии, мы отчетливее понимаем и истоки гитлеризма на германской земле, и неизбежность крушения этой коринфской плесени. Гуро то и дело прерывает повествование возмущенными публицистическими отступлениями, связывая историю с днем сегодняшним. А всем этим раскрывается и нравственная позиция Клары Цеткин, естественность ее сердечной дружбы и с дочерью Маркса Лаурой Лафарг, и с Розой Люксембург, и с Владимиром Лениным...

Разные по манере письма, книги серии достойно представляют людей, являющихся нашей национальной гордостью, гордостью всего человечества. Объединяет серию и писательский принцип, хорошо выраженный как-то Юрием Тыняновым. Ибо мысли, работа писателя (в отличие от ученого) начинается там, где кончается документ. Это ни в коей мере не противоречит документальной основе повествования.

Видно, теперь, когда у издательства накоплен достаточный опыт выпуска серии, стоило бы подумать об уточнении самого характера издательского «заказа». Книжки, разумеется, так и должны быть непохожими друг на друга, однако принцип их должен быть один в главном: художественность не должна ослабляться за счет авторского стремления рассказать о своем герое «всё».

Несомненно и тот вывод, что издание серии — дело большой общественной важности. И естественно, что читательский интерес к ней постоянно и неуловимо растет.

Г. КУКЛИС

ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ!

ВРЕМЯ И КНИГА

РАЗМЫШЛЕНИЯ КРИТИКА О СЕРИИ «ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»

действительно выпал в своем дневнике или кому-то сказал, что ему «на революцию» — начхать. «Я литературу люблю. Одну ее». Не поверил бы поэтому, что «психология фактов» противится такому пониманию. А убедить меня в этом оказалась способной совсем другая повесть — Юрия Давыдова «Завещание, братцы...» — о народо-вольце Александре Михайлове.

Пронзительное Ю. Давыдова талантливо стилизовано. Рассказ ведется не от лица автора, а попеременно и согласованно от лица современников: рядовой деятельности освободительного движения Анны Ардашевой и писателя Владимира Зотова, что действует и в повести М. Поповского.

Оба «соавтора» чрезвычайно «удобны» Ю. Давыдову. Во-первых, материал идет «из первых рук», ибо Зотов не придуманный, а действительный хранитель архивов «Земли и воли» и «Народной воли». Положение Зотова в обществе позволяло ему не побояться тайком съездить в Лондон к издателю «Колокола» и вместе с тем «не гнущаться» «по-своиному», беседовать с «чрезвычайно обходительным человеком» — со штаб-офицером из Третьего отделения Иваном Андреевичем Нордстремом.

Однако Зотов сочувствовал деятельности вожак «Земли и воли», а затем «Народной воли», хотя «террорную доктрину отвергал». И полагаю, именно такое его отношение определило форму повести Ю. Давыдова. Тем более, что и Михайлова жизнь в конце концов привела к выводу, что нужно идти другим путем, что «нужны сеятель впрямь».

Ну, а Анна Ардашева блестящий «соавтор» еще и потому, что в качестве сестры милосердия в боях на Шинке и Плевне прекрасно охотилась ауус безвинно пролитой крови.

Эта счастливо найденная форма создала особую доверительность повествования, она заставляет читателя как бы почувствовать себя соучастником событий.

«Всякийшний оком организации и блюстителем дисциплины» называли Михайлова товарищи по «Народной воле». Работа Юрия Давыдова дает нам возможность зримо постичь сра-

ча Ленина, радостью первых шагов становления новой жизни. Это повесть, написанная Михаилом Лохвицким о Ладое Кецохели («Выстрел в Метехи»), повесть Юрия Королькова о Феликсе Дзержинском («Феликс — значит счастливый...»), повесть Владимира Успенского о Михаиле Ивановиче Калинин («Первый президент») и повесть Ирины Гуро, посвященная Кларе Цеткин («Ольховая аллея»).

Очень личная повесть Михаила Лохвицкого. Быть может, это объясняется тем, что сама традиция грузинской литературы (а Лохвицкий изучил грузинский язык) тянет к лирическому герою, особенно берет за душу монолога Ладое о судьбе своего народа, пропавший в тюрьме камерно-одиночке.

И все же приходится сожалеть о том, что деятельность Ладое в качестве агента ленинской «Нскры» дана лишь фоном, а во время как встречаются целые абзацы, особенно там, где идет речь о спорах Цулукидзе с грузинскими националистами, сторонниками Иордания, звучащие, словно урон давно изученной, тобою политической грамоты.

Но этот упрек в некоторых издательствах перекрывается читателем уже знакомой я бы в большей мере отнес к повести В. Успенского.

Нельзя забывать, что книга серии не единственный источник познания истории. Значит, если это не открытие чего-то нового, ранее читателю неизвестного, надо рассказать об этом сегодня иначе, с позиций сегодняшнего дня, так, чтобы сама история обогатилась новыми красками. Именно так поступил, к примеру, Вл. Маяковский, сказав в своей поэме, что «долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново», что он хочет «снять заставку заново величайшей слово — ПАРТИЯ».

Но это критическое замечание общего порядка я отношу лишь к отдельным страницам повести В. Успенского. В целом же она довольно ярко рисует интереснейший характер Михаила Ивановича Калинин, показывая его в повседневных делах, в общении с Ильичем. Особенно благодарен будет читатель автору за то, что художественный

Письмо
из
Нечерноземья

СКОЛЬКО ДЕРЕВНЕ ЛЮДЕЙ НУЖНО?

Владимир
СИТНИКОВ

В.М. Струтинский рассказывает о строительстве Байкало-Амурской магистрали писателям Н. Хитому и Б. Чоппу

Фото И. Кочнева

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

позиции группы ученых, требовавших запрета дезинтеграции и силикализации. Опираясь на их научные рекомендации, он подписал постановление «коллегии» и приказ о преобразовании Института силикализации в Институт силикализации, а по совместному запрету производства силикализации и признания дезинтеграционной техники бесперспективной.

Так было ликвидировано целое научное направление, а лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки, доктор технических наук Хитин и целая группа ученых-инженеров оказались не у дел.

Все-таки он есть!

Порой мне казалось, что во всем виноват сам изобретатель — его трудный, даже неуловимый характер. Я знал, что все прозябан и заблуждения, все страсти и увлечения, благополучие и подлость, честь и бесчестье, величие и низость — словом, все, с чем Хитин сталкивался, имело для него только один смысл, одно единственное мерило — силикализацию. Не все привлекало в людях такая одержимость.

Мы встретились с Хитиным в длинном подвале, заставленном столами, деталями машин, моделями дезинтеграторов и сложными штебелями дуст и папок. Мы сидели среди пыльных столов, тесно прижатых друг к другу, и молчали. Я помнил другие дни, когда первые научные успехи вызвали нескупанный поток людей, телефонных звонков, телеграмм, приглашений, вызовов, — интерес к новой машине и новому камню, который позволял строить дома без цемента, был велик. Близники — самые неожиданные — связи с незнакомыми и знакомыми людьми. Они звонили Хитину или Ванаселю по телефону из городов Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока. В городе Находке, на берегу Тихого океана, начинался трудовой день, когда в Талине еще была ночь. Но разница во времени порой забывалась, и часто бывало, что производственный телефонный звонок раздавался и в полночь, и за полночь. Конечно, любой такой разговор начинался обычной извинительной фразой: «Простите, я, кажется, вас разбудил». «Ничего, ничего», — отвечали ему. Ученых радовал вот нарастающий зов жизни.

Теперь все это оборвалось, наступила та самая оглушающая тишина, которая так трудно переносится на фронте.

— В сущности, это хоро-

шее испытание. — Хитин как бы продолжал спор с самим собой. — Если наш камень не выдержит этот удар — туда ему и дорога, а вот если победит... Тогда сможем сказать, что не зря жили. Ничего, все в порядке.

Неожиданно помощь тогда — в 1966 году — оказали новому направлению в Центральном Комитете Коммунистической партии Эстонии. Были созданы условия для научных исследований, в межколхозной строительной системе основали два новых силикализационных завода — в Араве и в Паливере. Эстонские колхозы богатели, каждая семья хотела иметь свой дом. Да и в самом Талине начиналось сооружение целых кварталов новых многоэтажных домов. Словом, деловой и прочный камень был нужен везде.

Но вот в защиту запрещенного научного направле-

ния выступила Академия наук СССР, ее Научный совет по физико-химической механике. Председатель совета академик П. А. Ребиндер доказывал всю важность и перспективность исследований ученых, занимавшихся проблемой силикализации. Однако все осталось по-старому.

Больше того, именно тогда кем-то был пущен слух, что итальянцы и французы отказались от дезинтегратора, выбросили его, установили на своих заводах шаровые мельницы.

Это было, конечно, серьезный аргумент. Он действовал безотказно. Подумать только — советский патент оказался негодным! Каким уж так изобретения и приоритет!

Вскоре после этого Комитет по делам изобретений и открытий направил в Италию и во Францию делегацию специалистов. Делегация побывала на заводах в Каяццо, вблизи Неаполя, в Монтерро, во Франции. Вот пересказ мой отчет об этой поездке. С расчетами, с фотографиями, все — честно. Выяснилось, что дезинтегратор никогда не выбрасывали и никакой шаровой мельницы не заменили, что технология, налаженная советскими изобретателями еще в 1964 году, не изменилась, хотя кое-какие детали улучшались. Но ведь и советские изобретатели с тех пор ушли далеко вперед. Еще дальше итальянцев.

Делегация побывала во многих домах и сооружениях, построенных с применением силикализации, или альварана, как его называют итальянцы. В частности, в Неаполе — в политехническом комплексе, на картонном комбинате «Мауро Бенедетти» и на заводе числительных машин фирмы «Оливетти», в Риме — в отеле «Интерконтиненталь Палас» — в девятиэтажном админист-

стративном здании американской фирмы «Фостер Виллер» и восьмизатонном жилом доме на улице Палиниано. В Порто-Магере, во Франции, нашей делегации показали административное здание фирмы «Монтекатини» — Эдисоно и здание средней школы в Пармине — здание лицея в районе Порт де Клинанкур; в Оксере — многоэтажное административное здание налогового управления.

Отчет делегации заканчивался признанием, что «материал типа альваран» может найти применение и в СССР.

Что ж, стоило съездить, чтобы прийти к такому выводу. Кстати, я тоже был в этих домах в Риме и в Милане, во время съемки фильма о советском кинозвезде «Освобождение», когда выезжал туда вместе со съемочной группой «Мос-

фильма», и поинтересовался, почему силикализацию в Италии называют альвараном.

— А как бы вы поступили на нашем месте? — ответил мне в пресс-бюро фирмы. — Мы купили у вас лицензию, построили завод, затратили деньги и вдруг узнаем, что у вас силикализация запрещают. Хорошая реклама нашей продукции! У нас был один выход.

Пухлый отчет делегации был передан в Министерство промышленности строительных материалов СССР. Казалось, он должен был вызвать если не гром небесный, то по крайней мере некоторое волнение. Но ничего не произошло. Видимо, отчет просто сдали в архив.

Но жизнь не укладывалась в рамки министерского приказа. Хотя бы потому, что не вся она подчиняется одному министерству. Несмотря на запрещение министра и профессорскую анафему, в стране продолжали действовать четыре завода силикализационных материалов. Дома из силикализационного альварана строились в Средней Азии, в Казахстане. Из него было построено больше половины нового города Чайковского — и промышленных, и жилых зданий. Эстонские колхозники из нескольких предлагавшихся им на выбор типовых проектов индивидуального дома тоже чаще всего предпочитали силикализационный вариант.

Очень широко применялся силикализат в славянской находности Одессе. Трест «Одесстранстрой» за пятнадцать лет построил из него только жилья около двухсот тысяч квадратных метров, а еще тысячи подстанций, пункты связи, мосты, школы, больницы, детские сады, спортивные сооружения, сменял название и тематику

в год по песенке: «Ты же не силикализатор, — это вы у нас споросят». В Одессе, «я не в Одессе не жила».

Напомним, третий ученик, профессор М. И. Савицкий, один из крупнейших специалистов в строительной технике. В свое время он поддался решению армянских бюрократических «дезинтеграторов» и способствовал созданию «Одесского силикализационного завода» (ОСЗ).

Семь лет спустя

Все это побуждало Трест СССР к тому, чтобы издать приказ о запрете силикализации. Но издать приказ было трудно. Силикализация была создана авторитетным комитетом, ее выводили расметчиками на производственных советах, ее выводили комитеты третьего года. Многие люди в СССР — и в Европе — считали, что это был патент, который надо было защищать. Проводя все это, не было никакого сомнения, что это был патент, который надо было защищать. Проводя все это, не было никакого сомнения, что это был патент, который надо было защищать.

Вот что происходило, был ответственности и недовольства. А что же ученые? — индустриальные и научные учреждения, выступавшие, конечно, от имени науки и прогресса, но стремившиеся при этом установить свои собственные правила. Где же была наука? — в научных ассоциациях? Что же они? Недалеко от Москвы, в районе своего корреспондента, что бы узнать, как они относятся к этому вопросу, не изменился ли их тонус.

Профессор А. И. Валеев, один из крупнейших специалистов в области силикализации, встретил нас в своем кабинете. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории.

Профессор А. И. Валеев, один из крупнейших специалистов в области силикализации, встретил нас в своем кабинете. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории.

ку — почему не силикализатор, — это вы у нас споросят. В Одессе, «я не в Одессе не жила».

Напомним, третий ученик, профессор М. И. Савицкий, один из крупнейших специалистов в строительной технике. В свое время он поддался решению армянских бюрократических «дезинтеграторов» и способствовал созданию «Одесского силикализационного завода» (ОСЗ).

Вместо эпилога

Достойно ли называть статью о силикализации «Эпилогом»? Силикализация была создана авторитетным комитетом, ее выводили расметчиками на производственных советах, ее выводили комитеты третьего года. Многие люди в СССР — и в Европе — считали, что это был патент, который надо было защищать. Проводя все это, не было никакого сомнения, что это был патент, который надо было защищать.

Вот что происходило, был ответственности и недовольства. А что же ученые? — индустриальные и научные учреждения, выступавшие, конечно, от имени науки и прогресса, но стремившиеся при этом установить свои собственные правила. Где же была наука? — в научных ассоциациях? Что же они? Недалеко от Москвы, в районе своего корреспондента, что бы узнать, как они относятся к этому вопросу, не изменился ли их тонус.

Профессор А. И. Валеев, один из крупнейших специалистов в области силикализации, встретил нас в своем кабинете. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории.

Профессор А. И. Валеев, один из крупнейших специалистов в области силикализации, встретил нас в своем кабинете. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории. Он был в форме и выглядел так, как будто только что вышел из лаборатории.

пах изготовляют для села картофелекопалки, запасные части для машин. Не всегда это легко. У заводских и производственных объединений свой план, но все понимают, что городу будет труднее, если случится в деревне прорыв в уборке картошки или заготовке кормов.

Вологодский поэт Александр Романов так выразил взаимозависимость северной нечерноземной деревни и города:

Мы — как дерево кривое.
Что наветрами вросло
В горю шумный вершину
Сильней уперлось в село.
Низко ли, высоко ли
Выткнулся в земит,
Если колено можно —
И вершину согнуть.

То, что в областях северной нечерноземной России — «холода», а в южных — «жара», — это не сила, это не судьба. Социологи, опираясь на статистику, считают, что в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

Но в 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек. В 1970 году в СССР было 100 миллионов человек.

возвышался чуть ли не четырехметровый дед Мороз. Местные силаны рьяно перетягивали канат, зная, что бубенцами трюны. Сам Александр Дмитриевич, коренной местный житель, принимал в этом веселом деле участие. Стоя в ковшке, азартно катал по поселку ребятенки. Лошадь — его слабость. Когда на границе служил и когда председательствовал начинал, с конем не расставался. И сейчас с удовольствием пересаживался из «гачика» в санки.

Удивило меня в этом празднике обилие молодежи и ребятенки. И не приезжих, как в иных местах, не нагрянувших на субботу и воскресенье из города, а своих, живущих в колхозе. Сидели мы в светлом кабинете Червякова, толковали об этом.

— У нас средний возраст колхозников — двадцать семь лет, — оглушил он меня.

Я не поверил. В области средний возраст сельских жителей 51 год, а у него 27 — фантастика!

Секрет «омоложения» заключался в том же дальновидности председателя. Начал он издавать: — Стариков мы ценить должны. Вот построили интернат для ветеранов наших. Нелегкая вылаза им была... Все время, пока не начали строить интернат, сердце было не на месте. Теперь на душе легче. А вот о будущей смене, о молодежи, надо думать еще больше. Хитрое это дело...

— Школу мы завернули в Юбилейном на 320 мест, — продолжал Александр Дмитриевич. — Много было охотников меня ругать. Учеников-то оказалось всего восемьдесят. Но теперь ругатели поубавились. Учится уже 200 ребятшек, а через год — и все 320 будут. В школе обеды бесплатные, в Доме культуры музыка учим. Вот люди к нам едут, просят принять.

На пополнение у Червякова свой взгляд. С удовольствием принимал тех, у кого детей больше. И тут опять дальновидность. Я знаю, иной председатель даже радуется, что из-за ребятничего его не беспокоят: не требуют ясли строить, школу расширять. По мнению Червякова, такой руководитель рубит сук, на котором сидит, потому что не думает о том, кто будет работать здесь в будущем.

— Утечка неизбежна. Но если останется каждый третий — уже хорошо, — говорит Александр Дмитриевич. — Теперь у нас 420 трудоспособных, понадобится, наверное, не больше, потому что машины «возведут в степень» человеческий труд...

Я слушаю Червякова и думаю, что его принципы деятельности — это и есть зачатки того социального планирования, которое так необходимо теперь нашей деревне. Не лгать lightly, не удерживать всякого, кто вознамерился уехать из деревни, а планировать будущее, научно предвидеть, сколько людей понадобится завтра, — вот к чему стремится председатель.

— При чем тут я? Это жизнь так учит, — смеется Червяков.

Лет через 5—7 по-другому будет выглядеть животноводство. Уже сейчас на 12 птицефабриках, много лет действующих в области, труд почти полностью механизирован. На комплексе, созданном из укрупненного колхоза имени Дзержинского, механизация высвободила немало рабочих рук, но потребовала специалистов более высокой квалификации.

Животноводческие комплексы, работающие в области, — это первые ласточки. Их сооружение, строительство новых поселков, преобразование старых, оказавшихся в числе «перспективных», открывают широкий простор для планирования села. На помощь организаторскому таланту и практической смете таких людей, как Червяков, должны прийти ученые экономисты, социологи, демографы.

Для того чтобы скорее наступило желанное демографическое равновесие и прунтихла, стала управляемой миграция, — об этом мечтают и город, и деревня, — надо поработать всем: и самим сельскими строителями, и голыми шефами, и учеными. Подъем нечерноземья, которому так много внимания уделяют теперь партии и правительство, — дело общее, всенародное. Должно стать, станет нечерноземье изобильным краем!

